

К определению феномена терроризма: влияние наследия Нюрнбергского трибунала

Коростелев С. В.

Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ksv1@iacis.ru

РЕФЕРАТ

Термином «терроризм» чаще всего определяется метод, с помощью которого политическая организация (организованная группа) стремится достичь своих заявленных целей, главным образом, запугивая значительную часть общества посредством систематического крайнего неизбирательного насилия в отношении гражданских лиц или избирательного насилия против символических целей, для оказания влияния на государственный аппарат.

Все уже известные и возможные будущие концепции терроризма, а также официальные стратегии борьбы с ним являются политически предопределенными. Эти концепции являются результатом сочетания действий или предполагаемых намерений террористов и, соответственно, реакций государств на эти проявления терроризма. Соответственно, любое известное нам определение терроризма определяется только способностью государств противодействовать угрозам и предотвращать их.

Что касается определения «государственного терроризма», то основная ожидаемая компетенция государства заключается в обеспечении безопасности и стабильности (предсказуемости) не только для лиц, которые делегировали ему свои полномочия, но и для других государств. Вот почему в более широком смысле «суверенитет» государства следует понимать как меру согласия других международных акторов с содержанием способов, которыми это государство осуществляет свои полномочия. Преступления всегда совершаются только людьми, и хотя является вполне допустимым использовать фикцию об ответственности государства, чтобы установить коллективную ответственность за преступления, использование такого формального толкования закона для личной безнаказанности исполнителей террористических актов представляется неприемлемым. Поэтому в современном международном дискурсе термин «террористическое государство» не используется. С момента проведения Нюрнбергского процесса уголовная ответственность за использование государственного аппарата для совершения преступлений была индивидуализирована.

Ключевые слова: политико-правовое обоснование, определение терроризма, суверенитет, международное гуманитарное право, международная ответственность, Нюрнбергский трибунал

Towards an Interpretation of the Phenomenon of Terrorism: The Influence of the Legacy of the Nuremberg Tribunal

Korostelev S. V.

Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges, Saint-Petersburg, Russian Federation; ksv1@iacis.ru

ABSTRACT

Terrorism is most often understood as the term used to describe the method by which a political organization (organized group) seeks to achieve its definite goals, mainly by intimidating a large part of society by means of systematic extreme indiscriminate violence against civilians, or selective violence against symbolic targets, to influence the government.

All the already known and possible future concepts of terrorism, as well as the official strategies for countering it, are politically preconditioned. These concepts are the result of a combination of actions or alleged intentions of terrorists, and, subsequently, the reactions of states to these manifestations of terrorism. Accordingly, any definition of terrorism known to us is determined only by the capacity of states to counteract and to prevent threats.

As for the definition of «state terrorism», the main expected competence of a state is to ensure security and stability (predictability) not only for individuals who delegated their powers to it but for other states also. That is why in a broader sense the «sovereignty» of a state should be understood as a measure of the consent of other international actors with the content and ways that given state does implement its authority.

Crimes are always committed only by people, and although it is perfectly permissible to use a fiction about State responsibility to establish collective responsibility for crimes, it seems unacceptable to use such a formal interpretation of the law for the personal impunity of perpetrators of terrorist acts. Therefore, in the modern international discourse, the term «terrorist state» is not used. Since the Nuremberg trial, the criminal responsibility for the use of government apparatus to commit crimes was individualized.

Keywords: political and legal justification, definition of terrorism, sovereignty, international humanitarian law, international responsibility, Nuremberg trial

Термином «терроризм» чаще всего определяется метод, с помощью которого политическая организация (организованная группа) стремится достичь своих заявленных целей, главным образом, запугиванием значительной части общества с использованием систематического экстремального неизбирательного насилия против гражданских лиц, либо избирательного — против символических целей, для влияния на государственный аппарат. Процесс террора включает в себя три элемента, а именно: акт или угрозу насилия, эмоциональную реакцию и социальные последствия.

Терроризм как социальное явление и как способ применения силы для разрешения социальных противоречий сопровождает все этапы общественного развития, в том числе, в рамках определяемых геополитикой и, в свою очередь, оказывая обратное влияние на нее.

Феномен терроризма, часто воспринимаемый общественным мнением как уникальное, присущее только данной политической реальности явление¹, в действительности имеет неизменную природу, а признание за ним уникальности является методологически некорректным, что в свою очередь ведет к проблемам в организации противодействия ему.

Устранение такой некорректности в значительной степени зависит от используемого специфичного для каждой эпохи языка (категорий) описания этого феномена: среда, объекты и субъекты применения силы. Дело в том, что, поскольку технологический уклад более быстро развивается, нежели сопутствующий ему общественный язык, то последний не может описать ряд феноменов, и появятся определения «новых» особенностей, в том числе и для терроризма. Отсутствие средств описания (или, как минимум, неподготовленность средств массовой информации) приводит к внедрению в общественное поле терминологии о «новом

¹ Парадоксально, что современная ситуация также заявляется уникальной, но при этом описывается в терминах геополитической «парадигмы» С. Хантингтона, которая уже не является достаточной для описания современных международных взаимодействий. См.: Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. 1996. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новиков (гл. 1–8); под ред. Е. Кривцовой, Т. Велимеева (гл. 9–12), под общ. ред. К. Королева. М., 2003. // Центр гуманитарных технологий. — 01.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3893> (дата обращения: 12.12.2017).

терроризме», «большей опасности», «новой тактике», определению исполнителей террористических актов «новой породой террористов», или появлению заявлений, что «в настоящее время мы живем в эпоху террора». Такая пропагандистская деятельность, как результат, создает неверно сформированное общественное мнение и, соответственно, порождает существенные проблемы для мобилизации государствами ресурсов для противодействия терроризму.

При описании (анализе) феномена терроризма и, соответственно, выявлении объекта противодействия, необходимо дать ответ на вопрос «чему создает угрозу терроризм?», затем, соответственно, перераспределить ресурсы для противодействия создаваемой им угрозе. Перераспределение ресурсов, в свою очередь, неизбежно приведет к изменению образа жизни, т. е. изменению объема прав и обязанностей членов общества. Поскольку на карту ставится некий продвигаемый и защищаемый «образ жизни», то концептуализации, развиваемые в процессе описания (анализа) феномена терроризма, сами по себе оценочные, неизбежно становятся частью политического инструментария.

Как результат, все уже известные и возможные концепции терроризма, равно как и заявляемые государствами стратегии противодействия ему, являются политически обусловленными. Эти концепции являются результатом сочетания заявляемых или предполагаемых намерений террористов, и, затем, реакции государств на эти террористические проявления. Соответственно, любое известное нам определение терроризма определяется лишь возможностями государств по реагированию на угрозы и их предотвращение. Но это, в свою очередь, приводит к тому, что если всякий акт «терроризма» определять лишь через доступные государству средства противодействия ему, то тогда описание самого феномена терроризма не будет учитывать ни причин его появления, ни обращения исполнителей террористических актов именно к таким средствам и методам применения силы.

Во-первых, что является объектом применения силы? Последствия анархичного по сути и хорошо описанного терроризма конца XIX в., направленного главным образом против глав государств, высших должностных лиц и членов их семей, и только во вторую очередь, на причинение ущерба общественной собственности и жизни членов общества, привели к принятию в 1937 г. Лигой Наций Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него¹. В то же время эта конвенция не определяла различия между исполнителями актов террора, которые проявились позднее, с развитием дискуссии в рамках Генеральной Ассамблеи ООН. В поисках средств противодействия угрозам в международных документах стали появляться признаки, квалифицирующие характер исполнителей террористических актов: выделялись националистические мотивы, проявления фашизма, элементы борьбы против иностранной оккупации и т. д. То есть дискуссия переводилась из правовой области в область политических оценок.

Затем состоявшаяся глобализация, научно-технический прогресс, меняющиеся условия хозяйствования, изменение сущности средств массовой информации и другие изменения в общественной организации определили возникновение «глобального» терроризма.

В такой среде в связи с невозможностью применения силы против «лиц, принимающих решения», поскольку в современных демократических обществах центры принятия решений являются неперсонифицированными (скорее — сетевыми), даже уже не только по причине разделения властей неперемного атрибута демократических государств, террористы не могут непосредственно влиять на акторов (в основном, государственный аппарат), поведение которых они хотят

¹ Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.wdl.org/11579/service/11579.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).

изменить. И как результат, современное террористическое насилие чаще всего стало направляться на третьих лиц, т. е. терроризм стал работать посредством косвенного инструментализма.

Длительность процесса определения терроризма на начальном этапе осознания масштабности его феномена определялась *ad hoc* реагированием на присущие эпохе вызовы и угрозы, «как правило, в ответ на конкретные случаи терроризма, а также в целях противодействия применяемым террористами методам и угрозам... на такие действия, как захват воздушных судов; диверсии на авиационном транспорте; акты насилия в аэропортах; акты, направленные против безопасности морского судоходства; акты, направленные против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе; преступления против лиц, пользующихся международной защитой; незаконный захват ядерного материала и незаконное владение им; захват заложников; акты бомбового терроризма; а также финансирование совершения террористических актов и деятельности террористических организаций»¹. На данном этапе документы разрабатывались специализированными учреждениями ООН, такими как Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Международная морская организация (ИМО) и Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ).

В процессе развития сетевых структур управления общественной жизнью и соответствующим изменением состояния уязвимости «критичных» элементов инфраструктуры государств и мировой экономики в целом, данные «тематические» конвенции перестали обеспечивать должное реагирование на проявляющиеся новые вызовы и угрозы. То есть проявилась недостаточная обеспеченность правовым инструментарием политических решений по применению силы для противодействия террористическим угрозам — *sine qua non* процесса легитимации в новых геополитических и геоэкономических условиях.

Современный миропорядок по-прежнему обеспечивается суверенными государствами, но он тем не менее организован вокруг ценностей, сформулированных в сложившейся после Второй мировой войны системе международных договоров, обеспечивающих защиту, прежде всего, личности². Поэтому любые акты, методы и практика терроризма, «направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или отдельных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера, которые могут приводиться в их оправдание»³, представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН.

Для создания актуального инструментария и легитимации мер по противодействию новым вызовам и угрозам с 2000 г. в Специальном комитете, учрежденном резолюцией 51/210 ГА ООН от 17 декабря 1996 г., идет процесс согласования текста Все-

¹ Документ ООН A/CONF.213/5. Оказание технической помощи для содействия ратификации и осуществлению международных документов, касающихся предупреждения и пресечения терроризма. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года. П. 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V09/892/96/PDF/V0989296.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.12.2017).

² Преамбула Устава ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата обращения: 17.12.2017).

³ Документ ООН A/C.6/72/L.14. Проект резолюции «Меры по ликвидации международного терроризма». Семьдесят вторая сессия. Шестой комитет. Пункт 109 повестки дня [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N17/364/43/PDF/N1736443.pdf?OpenElement> (дата обращения: 17.12.2017).

объемлющей конвенции о международном терроризме¹. Предполагается, что этот международный инструмент предоставит широкое универсальное определение терроризма и тем самым заполнит пробелы, не закрытые «тематическими» конвенциями².

Одной из проблем сложнейшего политического процесса согласования определения терроризма является то, что государства на протяжении длительного времени не могут договориться не столько о содержании понятий «террор» и «терроризм», как о том, можно ли распространять положения будущей конвенции для характеристики деятельности вооруженных сил государств и противостоящих им вооруженных групп, вовлеченных в борьбу против иностранной оккупации и колониальной зависимости.

Именно из-за невозможности достижения политического консенсуса по вопросу квалификации действий противостоящих сторон, применяющих вооруженное насилие в конфликтах при реализации права на самоопределение или при противодействии террористической деятельности и повстанческой деятельности, в обозримом будущем данный термин не имеет шансов на универсальное правовое определение в рамках ООН.

В ситуациях, когда в ходе контртеррористических действий уровень применяемого вооруженного насилия достигает по смыслу международного гуманитарного права (далее — МГП) состояния вооруженного конфликта, может встать вопрос о возможности применения режима МГП. Но поскольку какого-либо определения «терроризма» как преступления в МГП нет, оно позволяет лишь квалифицировать запрещенные действия, которые могут совершаться в ходе вооруженных конфликтов, однако по своим последствиям сходны с террористическими нападениями, определенными в универсальных контртеррористических правовых документах, и ответственность за которые могла бы быть присвоена, если бы они совершались в мирное время [4, ч. I, с. 27]. То есть эти два режима имеют общие черты. И государства должны обеспечивать, чтобы любые принимаемые ими меры «соответствовали всем их обязательствам по международному праву, в частности международным стандартам в области прав человека, беженскому праву и гуманитарному праву»³.

Исследование механизма выбора правового режима действий по противодействию терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма, который является, несомненно, политическим процессом, обязательно приведет к выводу, что исследование феномена терроризма и поиск определения для него необходимо рассматривать не только политический, но и во многом эвристический межгосударственный процесс. В этом процессе МГП может использоваться лишь как начальный инструмент при анализе феномена терроризма, поскольку оно регламентирует допустимые нормы насилия, а терроризм эти нормы нарушает.

Так, например, обращение к нормам МГП позволяет начать процесс определения терроризма как актов или угроз применения насилия против некомбатантов. Если принимать во внимание лишь непреднамеренное «неизбирательное» (в терминологии МГП) применение силы против некоторого числа лиц, которые МГП включает в категорию «защищаемых», и что не является «военным преступлением», то, напротив, терроризм косвенно затрагивает всю потенциальную «аудиторию», ко-

¹ Проект конвенции см.: Документ ООН A/68/37. Генеральная Ассамблея ООН. Официальные отчеты. Шестдесят восьмая сессия. Дополнение № 37. Приложение I «Преамбула и ст. 1, 2 и 4–27 проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме» (Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 г. Шестнадцатая сессия (8–12 апреля 2013 г.)) [Электронный ресурс]. URL: <http://undocs.org/ru/A/68/37> (дата обращения: 20.12.2017).

² Документ ООН A/CONF.213/5. См. выше, П. 16.

³ Документ ООН S/RES/1624 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/510/54/PDF/N0551054.pdf?OpenElement> 2004 (дата обращения: 12.01.2018).

торая может быть объектом умышленных нападений. То есть если случайное поражение «защищаемых» гражданских лиц и объектов предполагается допустимым в ходе вооруженного конфликта, как крайней политической формы действий, то намеренное поражение гражданских лиц и объектов уже выходит за рамки допустимого в политической борьбе.

Чаще всего непосредственно пострадавшие в результате теракта лица не являются конечной целью (аудиторией) терроризма, в которой нужно вызывать страх: инструментарий терроризма в данном случае является косвенным. Схематически можно сказать, что террористы поддерживают напряжение в обществе нападениями или угрозой неизбирательных нападений на случайных гражданских лиц, или, избирательно — на символические цели, для создания нестабильности в более крупных социальных группах, и тем самым оказывают политическое давление на поведение своих противников — государства и даже международные организации. Именно случайность поражения и широкий выбор целей и вытекающее из этого отсутствие ограничений в подборе исполнителей террористических актов являются наиболее опасной чертой современной террористической тактики.

Поэтому политическая обусловленность заявлений о различии между «террористами» и «борцами за свободу/независимость» (или между «терроризмом» и «борьбой за освобождение») приводит к тому, что в ряде случаев «борцы за независимость» в соответствии с Дополнительным протоколом II 1977 г. одной стороной наделяются статусом привилегированных комбатантов, а другой стороной определяются как «незаконные комбатанты»¹.

Именно такое расхождение в оценке субъектов применения силы привело к тому, что текст всеобъемлющей конвенции ООН о международном терроризме до настоящего времени так и не согласован, поскольку предлагаемое в проекте конвенции определение терроризма приравнивает к терроризму все виды вооруженного насилия в отношении гражданских лиц. Так, например, еще Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.² подчеркивал необходимость заключения всеобъемлющей конвенции о международном терроризме конца 60-й сессии ГА ООН, т.е. до сентября 2006 г.³

Ряд научных определений терроризма проводит различие между насилием, совершаемым государством, и не связанными с государством субъектами. В этом случае термином «терроризм» в некоторых случаях определяется насилие, совершаемое не связанными с государством субъектами. Но в то же время в других концепциях не проводится различие между государственным и негосударственным насилием. В этом случае предполагается, что «терроризм» — это то, что могут осуществлять как государства, так и не связанные с ним субъекты. Это приводит к введению в дискурс определений, таких как «террористические государства» или «государственный терроризм»^{4, 5}, которыми определяется насилие со стороны

¹ Например: Hamdi v. Rumsfeld, 542 U.S. 507 (2004) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawfareblog.com/hamdi-v-rumsfeld-542-us-507-2004> (дата обращения: 11.01.2018).

² Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи от 16 сентября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch3.shtml#t3. П. 83 (дата обращения: 14.01.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=4698> (дата обращения: 14.01.2018).

⁴ Например: Гуроров В. А., Ширинянц А. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 30–54. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.03.

⁵ Schmid, Alex. Terrorism — The Definitional Problem, 36 Case Western Reserve Journal of International Law. 375 (2004). Available at: URL: <http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol36/iss2/8>. P. 402 (дата обращения: 09.01.2018).

государства, когда оно направлено на некомбатантов и нарушает социально приемлемые нормы.

Существует точка зрения¹, разделяющая два вида насилия — «террор» и «терроризм» следующим образом: «террор» относится к действиям, направленным на распространение страха со стороны государств и, следовательно, он работает «сверху вниз». С помощью террора через свои институты государство контролирует население. «Терроризм», напротив, совершается негосударственными субъектами «снизу вверх», т. е. нацелен на государство для оказания влияния на его институты через население, являющееся непосредственным объектом насилия.

В данном предположении, относящему «террор» к методу управления со стороны государств, есть серьезное методологическое упущение, не учитывающее современную природу государства и его место в международном сообществе.

Во-первых, доктрина² предполагает, что государство — это одна из многих форм политического объединения людей. Сущность любого объединения может быть выведена через исследование его отношения к другим объединениям и общностям индивидов. Что отличает государство от других политических объединений?

Саму концепцию государств необходимо рассматривать в историческом процессе их формирования, и, естественно, она имеет особое содержание для каждого исторического этапа развития. Кроме того, не все объединения людей, заявляющие о своем праве называться государством, являются таковыми, например, ввиду своей нелегитимности. Свойство легитимности является наиболее существенным в определении государства, которое само по себе должно существовать и признаваться стержневой единицей в организации международного сообщества в лишь политическом объединении схожих по своим свойствам сообществ, также определяющих себя как государства.

Государство как высшая форма политического объединения индивидов существует относительно автономно от других подобных объединений. Каждое из государств может определяться своей формой правления (специфически организованным, но обязательно ответственным правительством), обязательной привязкой к определенной территории и способностью нести ответственность. Свойство ответственности является наиболее существенным признаком государства, который отличает его от иных политических объединений индивидов: каждое государство обладает правами и исполняет обязанности в отношении других политических объединений, также определяющих себя как государства.

Эти свойства появились как результат политического характера любого объединения, которое индивиды создают для достижения каких-либо целей (чаще всего в сфере обеспечения безопасности и обеспечения справедливого распределения благ). Индивиды делегируют часть своих прав и ответственности государству, объединяемых в свою очередь в его компетенции (или властные полномочия). Так, например, Т. Гоббс предложил, что «...государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [1, гл. XVII, с. 133].

Нашим основным интересом является безопасность, но мы можем ею пользоваться, если живем в обществе, в котором осуществление частной свободы отражает не только возможность для частных волей обеспечивать свои интересы, но

¹ Chandrakala Padia. Terrorism: an Analysis. The Indian Journal of Political Science. Vol. 49, N 3. (July — Sept. 1988), p. 351–358.

² Kukathas, Chandran. A Definition of the State. Presented at a conference on 'Dominations and Powers: The Nature of the State', University of Wisconsin, Madison, March 29, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.wisc.edu/hunt/A%20Definition%20of%20the%20State.htm> (дата обращения: 14.01.2018).

и существованием этических воззрений, в которых конфликты интересов должным образом увязаны и согласованы. Государство преобразует проявления отдельных волей в универсальный механизм общего сосуществования, то есть именно государства приносят в наши жизни то, что отсутствовало до их появления — институт моральных ограничений.

Таким образом существуют территориально организованные политические объединения, организованные, возможно, на различных моральных посылах. Как могут сосуществовать такие объединения, если в реальной жизни интересы сталкиваются и всякий, желающий получить какие-либо преимущества, может сделать это только за счет других?

Очевидным образом, ко всяким интересам нужно относиться в равной степени уважительно, поскольку повторяющиеся взаимодействия показывают индивидам преимущества разумных взаимных уступок и необходимость заключения стратегических договоренностей, а это может быть обеспечено только при создании общего правопорядка, в котором сформулирована общая воля сообщества государств. Следовательно, основной ожидаемой компетенцией государства предполагается обеспечение безопасности и стабильности (предсказуемости) не только для индивидов, делегировавших ему свои полномочия, но и других государств.

Компетенции государства определяются через присущее ему свойство суверенитета. В самом примитивном понимании «суверенитет» означает всю полноту власти, осуществляемую государством в пределах своей территории и в отношении своего населения, и, которая, в некоторых случаях, может осуществляться экстерриториально. В более широком смысле «суверенитет» какого-либо государства следует понимать как меру согласия других участников международного общения с содержанием и способами реализации им своих властных полномочий.

Государства, в рамках классического понимания суверенитета, обладают абсолютным правом на применение насилия на своей территории и в отношении своих подданных (граждан). В действительности государства ограничивают себя через участие в различных международных режимах; в результате взаимодействия с другими участниками межгосударственного общения возникают и поддерживаются очень серьезные институциональные ограничения для таких субъективных прав, оформленные в нормах института международного права.

Как и все созданные человеком институты, институт международного права должен пониматься как результат конфликтов и усилий по облегчению сосуществования, но не как средство окончательного урегулирования всех и вся. Как формализованная система правил он возник в результате укоренения обычая, формализации его теми государствами, кто обладал достаточными ресурсами для проведения самостоятельной политики, и упорядочивания международных отношений через прецедентную практику.

Современная конструкция международного сообщества отражает не только какие-либо коллективные намерения или цели, но и взаимодействие интересов конфликтующих интересов. Государство с такой точки зрения не является ни продуктом внешнего влияния, ни конструкцией, созданной на основании субъективных человеческих обоснований, исходящих из согласия индивидов на политическое урегулирование. Если конструкция эффективно работает, то это является лишь результатом эволюционной («дарвиновской») борьбы за существование, у которой, как известно, нет ни замыслов, ни конечных целей, ни перспектив планирования, но которая определяет, что живучим является только наиболее приспособленное к среде, присущей данному этапу развития международного сообщества. А приспособленным в настоящее время к сосуществованию в международной системе является то государство, которое руководствуется логикой стратегического взаи-

модействия и балансом сил в ограничениях, предписанных системой принципов и норм международного права.

Права и обязанности государств как основных международных акторов до настоящего времени не формализованы, хотя такие попытки предпринимались в рамках ООН при разработке «Проекта декларации прав и обязанностей государств»¹. Считаю возможным предложить, что суверенитет участника международного общения уважается, если он не выходит из ограничений, установленных международным правом. А если государство выходит при реализации своих властных полномочий за вышеупомянутые ограничения, то другие участники международного общения вправе ограничить его суверенитет через присвоение международной ответственности, даже в форме чрезвычайных сатисфакций и чрезвычайных репараций [2, с. 93], как, например, это было сделано в отношении нацистской Германии².

Как было отмечено в ходе судебного следствия в Нюрнберге, «...правовое регулирование в международных отношениях... зависит от соглашения, но от соглашения, которое не может быть устранено односторонним действием. В области международных отношений источником права является не приказ суверена, а договорные соглашения, связывающие каждое из государств, которое подписало данный договор. Действительно верно и признание сегодня того, что это так, всеми великими мировыми державами чрезвычайно существенно для будущего мира, как сказал господин Литвинов и что полностью признает Великобритания, „что абсолютным суверенитетом и полной свободой действий пользуются только те державы, которые не взяли на себя никаких международных обязательств. Как только государство берет на себя международное обязательство, оно тем самым ограничивает свой суверенитет“» [3, с. 164].

Таким образом, политическое объединение индивидов — государство может потерять свою легитимность, быть ограничено в суверенных правах другими акторами и утратить (возможно, временно) признаки государства.

Во-вторых, может ли политическое объединение индивидов — государство вообще быть террористом? Ответ на данный вопрос также дан Нюрнбергским трибуналом, и этот ответ — нет! Тогда же в ходе судебного следствия было заявлено, что «...идея, заключающаяся в том, что государство как корпорация совершает преступления, является фикцией. Преступления всегда совершаются только людьми. Но в то время как вполне допустимо, в целях установления коллективной ответственности, использовать фикцию об ответственности государства или корпорации, совершенно нетерпимо, чтобы подобное формальное толкование закона могло служить основой для личной безнаказанности» [3, с. 148]. «Устав [Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.)] совершенно ясно заявляет, что устанавливается индивидуальная ответственность за преступления, включая преступления против мира, совершенные от имени государства. Государство не является абстракцией. Его права и обязанности являются правами и обязанностями людей; его действия — действиями людей. <...> Самый принцип индивидуальной международной ответственности за преступления против международного права не является полностью новым, он уже применялся, и не только против пиратов. Все

¹ Резолюция ГА ООН 375(IV). Проект декларации прав и обязанностей государств. 270-е пленарное заседание. 6 декабря 1949 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/053/70/IMG/NR005370.pdf?OpenElement> (дата обращения: 16.01.2018).

² См. также «Матералы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании». Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/berlin_main.htm (дата обращения: 16.01.2018).

законодательство, относящееся к военным преступлениям, в отличие от преступления войны, основано на принципе индивидуальной ответственности» [3, с. 148].

Таким образом, после окончания Второй мировой войны произошла индивидуализация международной ответственности за преступления, совершаемые как бы «государством», а термин «государственный терроризм» по инерции продолжает использоваться лишь в пропагандистских целях, но никогда не используется в международном дискурсе. Равным образом и государство не может быть «террористическим», использующим террор как метод управления, — в таком случае оно теряет свойства государства и ограничивается в суверенитете другими международными акторами.

Таким образом, сделанное официальными лицами гипотетическое заявление о том, что какое-либо государство (неизбежно — член ООН) является «террористическим», по своей сути становится актом присвоения международной ответственности и порождает, соответственно, обязанность по восстановлению нарушенных общих интересов международного сообщества. Как было отмечено Комиссией международного права ООН, «...последствия международно-противоправного деяния не могут ограничиваться возмещением или “санкциями”. В международном праве, как и в любой правовой системе, противоправное деяние способно порождать различные виды правоотношений, в зависимости от обстоятельств»¹. «Ответственность государств может возникать в связи с самыми тяжкими деяниями, и режим ответственности в таких случаях будет соответствующим образом жестким»². Превышение каким-либо государством социально приемлемого уровня насилия, т. е. нарушение международного обязательства, позволяет другим акторам определять такое поведение как разрушающее его легитимность и порождает у них обязанность защищать интересы международного сообщества и ограничивать его суверенность, но лишь для наказания индивидов, совершивших преступление против интересов международного сообщества в целом. В противном случае отсутствие реакции на нарушение обязательств *erga omnes* приводит к легализации злоупотреблений правом по требованию невмешательства во внутренние дела, что разрушает основы современной системы международных отношений. Следовательно, заявление о «террористическом» характере какого-либо государства требует проведения контрмер, которые к тому же должны быть обоснованы требованиями необходимости применения силы. Государства могут защищать свои общие существенные интересы, которым угрожает большая и неминуемая опасность, только путем временного неисполнения какого-либо другого международного обязательства, меньшего веса или срочности в данных обстоятельствах, допуская отклонение от запретов на применение силы, воплощенного в ст. 2 п. 4 Устава ООН, и вмешательство во внутренние дела государства (ст. 2 п. 7 Устава ООН). Каждый такой выход из ограничений парадигмы Устава ООН выводит систему международной безопасности из равновесия. Поэтому заявления, порождающие обязанность государств по реагированию с применением силы, должны делаться очень осторожно.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданско-го // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1991.
2. Международное право : учебник для вузов / отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко, проф. О. И. Тиунов. М. : Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М, 1999.

¹ Документ ООН А/63/10. Доклад Комиссии международного права (53-я сессия). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (Тексты проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния). С. 54 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/intorg_responsibility.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

² Там же, с. 128.

3. *Нюрнбергский процесс* : сб. материалов / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.), Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. Т. I. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Государственное издательство юридической литературы. 1954.
4. *Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму*. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Нью-Йорк, 2009.

Об авторе:

Коростелев Станислав Валентинович, Ответственный секретарь Объединенной комиссии при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; ksv1@iacis.ru

References

1. Thomas Hobbes. *Leviathan or the Matter, Form & Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil* // Works in 2 vol. Vol. 2. M. : Thought [Mysl'], 1991. (In rus)
2. *International law. Textbook for Higher Schools* / Responsible editors — prof. G. V. Ignatenko and prof. O. I. Tiunov. M. : Publishing group NORMA —INFRA-M, 1999. 584 p. (In rus)
3. *The Nuremberg Trials. Collection of materials* / edited by K. P. Gorshenin (editor-in-chief), R. A. Rudenko and I. T. Nikitchenko). Vol. I. The second edition, amended and supplemented. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1954. (In rus)
4. *Handbook on Criminal Justice Responses to Terrorism*. United Nations Office on Drugs and Crime. New York, 2009. (In rus)

About the author:

Stanislav V. Korostelev, Executive Secretary of the Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on Harmonization of Legislation in the Sphere of Security and Countering Emerging Threats and Challenges (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; ksv1@iacis.ru